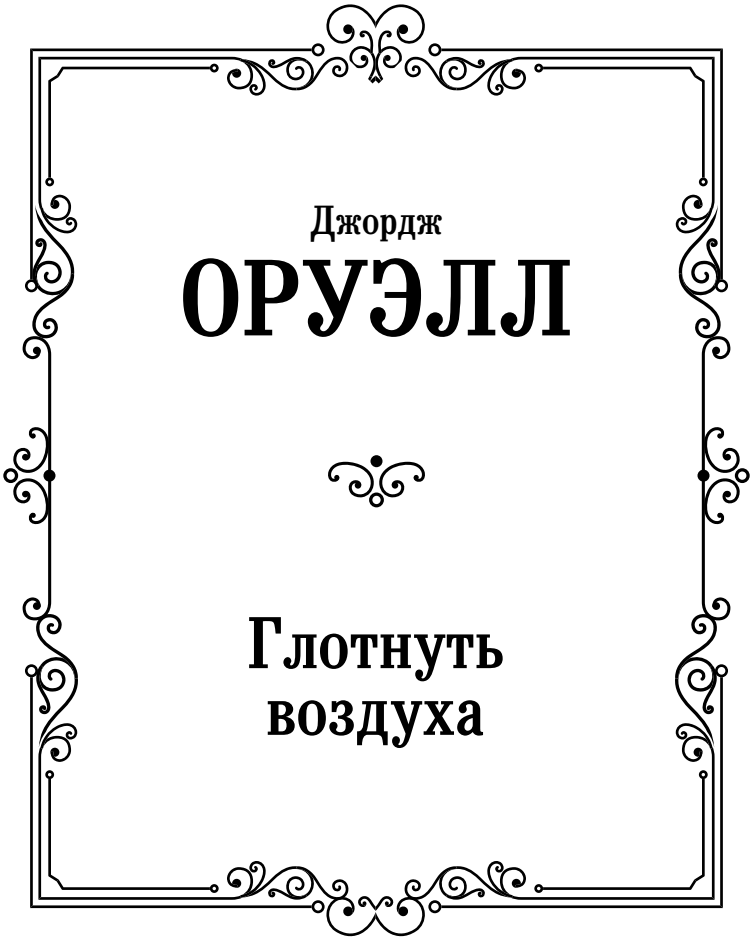

Лучшая мировая
классика

Джордж
ОРУЭЛЛ

**Глотнуть
воздуха**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-70

Серия «Лучшая мировая классика»

George Orwell

COMING UP FOR AIR

Перевод с английского *В. М. Домитеевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В.А. Воронина

Печатается с разрешения
The Estate of the Late Sonia Brownell Orwell
и литературных агентств AM Heath & Co Ltd.
и Andrew Nurnberg.

Оруэлл, Джордж.

0-70 Глотнуть воздуха : [роман] / Джордж Оруэлл ; [пер.
с англ. В. М. Домитеевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2019. — 288 с. — (Лучшая мировая классика).

ISBN 978-5-17-114436-4

Один из маленьких шедевров писателя, роман, совсем непохожий на «1984» и «Скотный двор», который познакомит вас с иным Оруэллом — мастером психологического реализма.

Эта книга пронизана духом Англии в период затишья между двумя мировыми войнами — затишья обманчивого, предгрозового, насквозь пропитанного предчувствием грядущей беды. Книга, в которой присущий Оруэллу сарказм соседствует с неподдельным лиризмом и реалистической глубиной образов.

Осознание того, что вся предыдущая жизнь — одна сплошная ошибка, однажды заставит Джорджа Боулинга, главного героя романа, вернуться в город детства, чтобы вновь испытать давно забытые чувства счастья и свободы и отдалиться единственному оставшемуся в его жизни увлечению — рыбалке...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© George Orwell, 1939
© Перевод. В.М. Домитеева, 2012
ISBN 978-5-17-114436-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Мертвец уже, а все ему неймется.

Народная песня

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Мысль эта у меня забрезжила в тот день, когда я получил свой новенький зубной протез.

Отлично помнится денек. Четверть восьмого я привычно выскочил из постели и успел вовремя закрыться в ванной от детей. Скотское январское утро хмурилось грязно-бурым небом. Через оконце ванной можно было сверху обозреть маленький, пять на десять ярдов, обсаженный кустами бирючины травяной прямоугольник с плешью посередине — «садик», как это у нас называется. Такие же садочки, те же кусты бирючины, та же трава позади всех домов на Элзмир-роуд. Одно различие — где детей нет, там плешь не вытоптана.

Пока набиралась ванна, я исхитрялся брить щетину старым, затупившимся лезвием. Из зеркала глядело мое лицо, а ниже, на полочке, в стакане с водой лежали зубы для этого лица. Временная модель, которую дантист Уорнер дал мне носить до окончания работ над новой челюстью. Ну, лицом я не так уж плох: румяная, с кирпичным колером физиономия из тех, что в ансамбле с парой голубоватых глаз и блондинистой шевелюрой. Слава-те господи, ни седины еще, ни лысины, так что, ког-

да зубы во рту, выгляжу вроде бы и помоложе своих сорока пяти.

Пометив в уме купить лезвий, я залез в ванну, начал мылиться. Намылил руки (они у меня такие, знаете, в веснушках до локтя), потом спинную щетку с ручкой взял тереть лопатки, их иначе-то никак. Вот горе горькое: прибавилось на теле мест, куда не дотянуться. Честно сказать, в полноту меня повело. Нет, я не то чтоб диво балаганное. Вес у меня всего фунтов под двести, а вокруг талии последний раз измерил — сорок восемь дюймов, ну, может, сорок девять, уж не помню. И не противный я, не «дико разжиревший», живот до колен не свисает. Просто я так это, широковат слегка, объемистый. Знаете плотных резвых толстяков, бойких симпатяг, которых награждают прозвищем Толстун или Бочонок, которые всегда и везде душа общества? Так вот вам я. Меня обычно называют Толстуном: Толстун Боулинг. А по-настоящему я Джордж, Джордж Боулинг.

Хотя тогда вот, в ванной, настроения не имелось общество веселить. Вообще подумалось, что вечно я теперь с утра не в духе, хотя сплю хорошо, желудок в норме. Ясно, конечно, почему — проклятые вставные зубы. Лежали на дне стакана и, увеличенные сквозь воду, скалились, как в черепе. Паршиво чувствуешь себя, сомкнув голые десны, — весь ты какой-то смятый, скукоженный, будто кислого яблока куснул. И потом, что ни говори, искусственная челюсть — рубеж. Как удалят тебе последний зуб, так больше себя не надуешь, не почувешь красавцем, шейхом голливудским. Оброс салом и со-

рок пять годков. Собравшись ноги намылить, осмотрел я свои телеса. Это все ерунда, что толстякам ступней собственных не увидеть, однако же я, если прямо встану, то вижу только пальцы ног. Мылю я свой живот и думаю: да никто из бабенок на тебя бесплатно лишний раз не глянет. И не особо, доложу вам, в тот момент я жаждал женских взглядов.

Но что кольнуло — этим утром, казалось бы, мне точно радоваться. Во-первых, на службу не идти. Старый автомобиль, в котором я «окучиваю» свой участок (тружусь по части страхового бизнеса, агент «Крылатой саламандры»: жизнь, пожар, кража, кораблекрушение, двойняшки — страхуем все), этот автомобиль мой временно на ремонте, и хоть я собирался зайти в лондонский офис скинуть очередные бумаженции, но на сегодня отпросился, чтобы покончить с новыми зубами у дантиста. Ну и еще штука, насчет которой я уже просто голову сломал. Вы понимаете, вдруг привалило мне семнадцать фунтов, о которых никто не в курсе, то есть дома у меня никто. Откуда, сейчас расскажу. Парень один из нашей фирмы, Мэллорс, раздобыл книжку «Астрология и скачки» с объяснением, как разгадать влияние планет по цветам на жокейской форме. А где-то там как раз должна была бежать Пиратская Невеста, лошадка неважнецкая, зато жокей в зеленом, в том именно цвете, который по звездам тогда самый счастливый. Мэллорс, прямо свихнувшись со своей астрологией, несколько фунтов на эту лошадь ставит и меня чуть не в слезах умоляет, чтобы я тоже. Так он приставал, что я в конце концов, против обычных моих правил, рискнул, поставил десять

шиллингов. И ведь дотрюхала Пиратская Невеста первой к финишу. Забыл точный расклад по ставкам, но мне лично досталось семнадцать фунтов. Я как-то инстинктивно — сам от себя не ожидал: наверно, тоже житейский рубеж — денежки тут же в банк и ни гугу. Раньше такого со мной не бывало. Хороший муж и отец купил бы платье Хильде (Хильда — моя супруга), ботинки детям. Но я пятнадцать лет прожил хорошим мужем и отцом, уже по горло.

Намылившись от головы до пят и немного ожив, я сел в ванну поразмышлять насчет заначки — на что тратить. То ли, думаю, в уик-энд гульнуть с подружкой, то ли тихонечко транжирить на радости вроде сигар, двойных стаканчиков. Прикидывая насчет женщин и сигар, только я пустил воду погорячей, как по ступенькам перед ванной топот бизоньих стад. Детишки прибыли! Двое ребят в доме размером с наш — это как пинта пива в полпинтовой кружке. По двери барабанный грохот с воплем:

— Папулечка, пусти, мне надо!

— Обождешь! Нельзя сюда.

— Ну пап, ну срочно!

— Срочно брысь от двери. Дай принять ванну.

— Папу-у-ля! Мне на-а-до! Мне *надо* кой-куда!

Что тут поделаешь! Сигнал тревожный. Как полагается в таких домах, клозет у нас, конечно, вместе с ванной. Я вытащил сливную пробку, наскоро обтерся, и, едва открыл дверь, малыш Билли — мой младший, семи лет — пулей пронесся внутрь, на ходу ловко увернувшись от подзатыльника. Я уже полностью оделся, искал галстук, когда обнаружил, что мыло-то с шеи не смыл.

Жуткое дело — засохшее мыло на шее. Ходишь, будто клеем обмазанный, причем, если не смыть, до вечера будет казаться, что весь ты в этой пако-сти. Настроение испортилось, вниз я пошел, гото-вый никому не спускать.

Столовая у нас, как у всех остальных на Элзмир-роуд, комнатенка футов двенадцать на четырна-дцать, а то и меньше, в основном загроможденная японским дубовым буфетом с парой пустых графи-нов и серебряной подставкой для яиц, подарком те-щи нам на свадьбу. Жenuшка угрюмо возилась око-ло заварочного чайника, как всегда полная тревог и страхов, потому что в «Новостях» объявили насчет повышения цен на масло или еще чего-то. Духов-ку она не зажгла, так что, хоть окна были наглухо закрыты, стоял зверский холод. Нагнувшись, гром-ко засопев (мне теперь без сопения не нагнуться), я с довольно явным намеком чиркнул спичкой и за-жег газ. Хильда искоса метнула взгляд, которым она выражает недоумение от моей нелепости.

Хильде тридцать девять, в начале нашего зна-комства выглядела она — точь-в-точь заяц. Такая и сейчас, только совсем худющая, подсохла, в гла-зах вечный испуг, вечное беспокойство, а если вко-нец расстроена, плечи горбом и руки скрестит на груди, как старая цыганка у костра. Она из тех, ко-го жизнь пришибает предчувствием грозящих бед. Мелких бед, разумеется. До войн, землетрясений, эпидемий, голода и революций ей никакого дела нет. Причитания у нее — масло дорожает, газовый счет огромный, обувь детская сносилась, опять под-ходит срок за радио в рассрочку. Со временем я по-

нял: ей это прямо сласть — скрестивши руки на груди, раскачиваться и нудить: «Джордж, это же *очень* серьезно! Ума не приложу, что делать! Где взять денег? Ты, видимо, не понимаешь, *как* это серьезно!» В голове ее крепко засело, что кончим мы в рабочем доме. Между прочим, если мы впрямь докажемся, ей будет там раз в сто легче, чем мне, — наверно, даже испытает удовольствие от полной безопасности.

Дети уже были внизу, успев молниеносно вымыться и одеться, что им удается всегда, когда нет случая томить кого-нибудь за дверью ванной. Пока я садился к столу, они тягуче препирались: «Да-да, ты!» — «Нет, не я!» — «Ты!» — «Нет, не я!» И могли все утро тянуть эту волюнку, если б я не велел немедленно захлопнуть рты. У нас лишь двое: семилетний Билли и Лорна, ей одиннадцать. Чувство мое к ним специфическое. Частенько я даже их вид едва терплю. А разговоры их вообще невыносимы. Они в той скучной поре младших школьников, когда все мысли крутятся вокруг линеек, пеналов и у кого лучше отметки по французскому. Но иногда, особенно когда они уснут, во мне совсем другое. Бывало, что я стоял возле их кроваток летними лунными ночами, смотрел на них, спящих, на их круглые рожицы, кудельки еще светлей моих и ощущал что-то такое, про что в Библии говорится «взволновалась... внутренность... от жалости к сыну своему»*. В подобные минуты я себя чувствую как сухой стручок с семенами, который сам пен-

* Неточная цитата: см. Третью книгу Царств, 3:26.

са не стоит, нужен лишь затем, чтобы вот этих малявок на свет пустить, прокормить, вырастить. Ну, это изредка. Обычно-то свое отдельное существование видится мне довольно стоящим, я чувствую, что есть еще силенки и еще много светит впереди, и роль покорной загнанной скотины, дойной коровы для супружницы и ребятишек меня не манит.

Завтрак прошел в почти полном молчании. Хильду грызло ее всегдашнее «ума не приложу, что делать!», отчасти из-за новых цен на масло, отчасти потому, что кончались рождественские каникулы, а мы еще не уплатили пять фунтов за прошлый школьный семестр. Съев яйцо всмятку, я намазал хлеб «Царским золотым мармеладом». Хильда жметя с провизией, покупает дешевку вроде этой: пяток пенсов за фунт, на этикетке самым мелким шрифтом, что продукт утвержденный, «с добавлением нейтральных фруктовых соков». Тут меня стало разбирать, я довольно ехидно, как иногда умею, начал насчет того, где ж их выращивают, эти самые «нейтральные фрукты», в каких таких удивительных странах, что за плоды чудесные и прочее, пока Хильда не разозлилась. Не остроумие мое сочла тупым, просто ей всегда кажутся грехом насмешки над экономией.

Я просмотрел газету — ничего новенького. От Испании до Китая люди крошат друг друга, на вокзале нашли отрезанные женские ноги, свадьба короля Зога* может не состояться. Наконец, часов

* Ахмет Зогу (1895—1961) — в 1928—1939 гг. король Албании.

в десять, раньше, чем собирался, я вышел из дому. Дети убежали играть в городской сад. На крыльце мерзко дохнуло сыростью, порыв ветра хлестнул по голой шее в засохшем мыле, мигом дав ощутить, что одет я не по погоде и весь покрыт гнуснейшей липкой коркой.

2

Бывали вы на моей Элмир-роуд в Западном Блэчли? Да хоть и не бывали, наверняка видели десятки точно таких же.

Все эти наводящие тоску улицы ближних и дальних пригородов. Везде как под копирку. Длинные ряды однообразных сдвоенных домишек* (по Элмир-роуд их числится 212, наш — номер 191), уныло, словно по шаблону казенных строений, и вообще безобразно. Оштукатуренный фасад, пропитанная антисептиком калитка, изгородь из бирючины, зеленая входная дверь. Названия жилищ на табличках либо «Кущи боярышника», «Лавровые рощи», «Цветущий мирт», либо «Бель вю», «Мон абри», «Мон репо»**. Не чаще одного раза на полсотни домов встретится такой наглый вызов обществу, который демонстрирует субъект (кончит наверняка в работном доме), покрасивший входную дверь не зеленой, а синей краской.

Ощущение липкой гадости на шее меня буквально деморализовало. Интересно, как эта штука мо-

* Типичный для небогатых жилых районов дом на две семьи, с общей задней стеной и выходами на разные стороны.

** «Belle vue», «Mon abri», «Mon repos» — «Чудесный вид», «Приют души», «Мое отдохновение» (*фр.*).

жет опустить. Весь гонор вышибает, будто оказался вдруг на людях с оторванной подметкой. В то утро виделся я себе без прикрас. Словно со стороны глядел на самого себя, идущего по улице, — толстого, красномордого, с фальшивыми зубами, скверно и вульгарно одетого. Джентльменом такому малому не притвориться. За двести ярдов видно, чем я занимаюсь, — то есть не в точности страховками, но явно чем-нибудь торгую, что-то рекламирую. На мне же просто униформа нашего племени: слегка потертый серый костюм «в елочку», синее пальто за пятьдесят шиллингов, котелок, перчаток нет. И стиль у меня, как у всех, имеющих процент с продажи, развязный, пошлый. В лучшие минуты, когда я выходной костюм надену и сигару закурю, меня можно причислить к букмекерам или владельцам баров, а в худшие — к тем, кто таскается по домам и навязывает пылесосы, но обычно оцените вы меня правильно. Едва взглянув, скажете: «Выколачивает парень свои пять-десять фунтов в неделю». Материально и социально я, так сказать, типичный представитель Элзмир-роуд.

Шел я по улице фактически один. Мужчины успели уехать поездом 8.21, женщины тормозились возле плит. А когда есть время пройтись по этим ближне-дальним пригородам и настроение есть поразмышлять, так просто смех берет насчет всей здешней жизни. Ну правда, что это, в конце концов, такое — улица вроде Элзмир-роуд? Тюрьма, тюремный коридор с рядами камер. Шеренга сдвоенных полуотдельных казематов, в каждом из которых дрожит, трясется бедолага «от-пяти-до-десяти-